

ГЕННАДИЙ ЛЕВИЦКИЙ

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Геннадий Левицкий
Юлий Цезарь

«Автор»

2018

Левицкий Г. М.

Юлий Цезарь / Г. М. Левицкий — «Автор», 2018

ISBN 978-5-4444-4962-2

Шестой год Цезарь вел жестокую войну в Трансальпинской Галлии. Он начал ее по собственному желанию, не считаясь ни с мнением сената, ни с интересами Рима, ни с законами. Он вторгся в неведомые земли со слепой верой в то, что он, Гай Юлий Цезарь, рожден для великих дел, потому что верил в свою счастливую звезду, в собственную исключительность... Текст публикуется в авторской редакции

ISBN 978-5-4444-4962-2

© Левицкий Г. М., 2018

© Автор, 2018

Содержание

1. Цезарь и Сервилия	6
2. Затерянные в снегах	10
3. Цезарь с нами!	14
4. Аварик	18
5. Герговия	22
6. Вилла Сервилии	26
7. Мать и дочь	31
8. Под Алезией	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Геннадий Левицкий

Юлий Цезарь: между войной и любовью

© Геннадий Левицкий

«Каждый человек приходит в мир сей, дабы выполнить свой долг, будь тот долг ничтожен или велик, но чаще всего человек и сам этого не знает, и природные его свойства, его связи с ему подобными, превратности судьбы побуждают его выполнить этот долг, пусть неведомо для него самого, но с верой, что он действует никем не понуждаемый, действует свободно».

(Морис Дрюон. Лилия и лев.)

«На любовные утехи он, по общему мнению, был падок и расточителен. Он был любовником многих знатных женщин – в том числе Постумии, жены Сервия Сульпиция, Лоллии, жены Авла Габиния, Тертуллы, жены Марка Красса, и даже Муции, жены Гнея Помпея... Но больше всех остальных любил он мать Брута, Сервилию: еще в свое первое консульство он купил для нее жемчужину, стоящую шесть миллионов, а в гражданскую войну, не считая других подарков, он продал ей с аукциона богатейшие поместья за бесценок. Когда многие дивились этой дешевизне, Цицерон остроумно заметил: „Чем плоха сделка, коли третья часть остается за продавцом?“ Делом в том, что Сервилия, как подозревали, свела с Цезарем и свою дочь Юнию Третью».

(Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Юлий.)

«Но вскоре обнаружились первые признаки самой большой и опасной войны, какая когда-либо велась в Галлии. Замысел ее давно уже созревал втайне и распространялся влиятельнейшими людьми среди самых воинственных племен. В их распоряжении были и многочисленные вооруженные силы, и большие суммы денег, собранные для войны, и укрепленные города, и труднопроходимые местности».

(Плутарх. Избранные жизнеописания. Цезарь.)

1. Цезарь и Сервилия

– Гай Юлий! Ты не можешь меня покинуть! – возмутилась женщина и напомнила: – Ты обещал провести зиму в Равенне. Или слово Цезаря ничего не значит?

– Прости, Сервилия, но произошло событие, расстроившее все планы, – оправдывался мужчина. – Поверь, у меня совершенно нет желания менять твой великолепный дом на палатку в галльском лесу, но речь идет не только о моей жизни и смерти. Под угрозой гибели дело, оплаченное кровью римлян.

– Я устала сидеть в роскошном особняке, словно птица в золотой клетке, – продолжала капризничать красавица. – Для чего ты купил мне дом и вызвал в Равенну? Цезарю доставляет удовольствие мучить ожиданием покорную Сервилию?

– Ты же знаешь, дороже тебя у меня никого нет, – пытался успокоить женщину Цезарь, но та слишком долго копила обиды, и дежурной фразой остановить ее не получилось.

– Я не могу больше так жить. Сколько раз слышала о твоей непомерной занятости, но потом оказывалось, что Гай Юлий, кроме ложа своей супруги успевал побывать в постелях жен чуть ли не всех сенаторов. Даже своих друзей – Помпея и Красса – Цезарь награждал ветвистыми рогами. Развратник! Не к жене какого-нибудь кельтского вождя спешишь на этот раз?

– Сервилия!.. Вот женщина, которая не перестает меня удивлять! Ты ведешь беседы с греческими философами на их языке и повторяешь глупейшие сплетни римских плебеев. Хотя бы вспомни, дорогая, сколько лет несчастной вдове Марка Красса, прежде чем записывать ее в любовницы. Семьдесят, если не больше...

– Довольно, Гай Юлий, я уезжаю в Рим, по крайней мере, до весны. Холодный воздух Равенны плохо на меня действует.

– Сервилия, любовь моя, я буду тосковать без твоих божественных глаз, нежного, иногда капризного, голоса. И моя тоска тем сильнее, чем дальше ты будешь от меня, но... – неожиданно Цезарь не стал упрашивать женщину остаться в Равенне, хотя последняя надеялась на это, – положение в Галлии таково, что даже в Равенне никто не может оставаться в полной безопасности. Уезжай, и как можно скорее.

– Неужели все так плохо? – не поверила красавица. – Кажется, ты просто меня разлюбил. Годы берут свое, и никуда от них не денешься.

– Сервилия, ты самая прекрасная женщина мира! – воскликнул Цезарь, и здесь он почти не покривил душой.

Сервилия была в расцвете своей красоты: густые черные волосы, совершенно не тронутые сединой; темные брови и редко встречающиеся колдовские зеленые глаза. Смугловатая и упругая кожа лица не имела ни малейшего изъяна.

Хотя Сервилия была далеко не в юном возрасте, она относилась к тому редкому типу женщин, над которыми даже время не властно. Подобные ей женщины расцветают прелестным цветком в пору юности и затем как бы останавливаются в определенной точке. Они практически не меняются лет двадцать-тридцать, прежде чем на лице начнут появляться предательские морщинки. С годами они могут немного полнеть, но даже полнота их не только не портит, но, наоборот, подчеркивает прелестные формы тела.

Если к подаренному богами или природой добавить многолетний опыт общения с сильными мира сего, умение пользоваться восточными благовониями и кремами, то Сервилия вполне могла бы одержать верх над соперницами вдвое моложе ее. Впрочем, в последние годы знатная римлянка использовала свои чары лишь для того, чтобы удержать подле себя хотя бы на несколько дней одного-единственного мужчину – Гая Юлия Цезаря. Ради этого она совершала самые безрассудные поступки.

Собеседнику Сервилии к тому времени исполнилось сорок восемь лет, и одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться: время обошлось с Цезарем далеко не милостиво. Долгие годы, проведенные в военных походах, с постоянным пребыванием под открытым небом в любую погоду и любое время года, частое недосыпание и нервное перенапряжение – все это оставило на лице неизгладимый след.

Цезарь равнодушно относился к избороздившим лицо морщинам, но почему-то ненавидел свою плешь, которая увеличилась, как ему казалось, ежедневно. Каждое утро он начинал с того, что зачесывал поредевшие волосы с темени на высокий лоб, чтобы хоть немного прикрыть оголившиеся места. От манипуляций с остатками волос Цезарь не только не выигрывал, но, наоборот, становился еще безобразнее и смешнее. Однако недостатки внешности не мешали ему пользоваться вниманием и любовью женщин.

Нынешний проконсул Галлии и в юности не относился к тем напыщенным красавцам-щеголям, в которых влюблялись с первого взгляда; но если женщина один раз общалась с этим, далеко не самым красивым человеком, ее тянуло к нему как железо к магниту. Жизнестойкость, ум, целеустремленность, блистательное красноречие Цезаря покорили немало сердец и римских девушек и благочестивых матрон¹.

При более близком знакомстве женщины не только переставали замечать внешние недостатки Цезаря, но даже изъяны превращались в достоинства. Плешь на голове, которая так несносна была для Гая Юлия – виделась окружающим печатью глубокого ума, отмеченного богами.

Женщины занимали не последнее место в жизни Цезаря. Они доставляли много приятных минут, особенно дорогих для Цезаря, вечно занятого грандиозными планами, военными походами. Они же доставляли Гаю Юлию и немало хлопот, а первая жена едва не стоила жизни.

Будучи юношей, Цезарь женился на Корнелии, дочери Цинны, который имел неосторожность стать злейшим врагом диктатора Суллы. Молодому человеку было приказано развестись с женой и поискать супругу из фамилий менее ненавистных Сулле. В ответ юноша заявил, что никакая человеческая власть не заставит его расстаться с любимой женой. За этот благородный порыв Цезаря, как преступника, внесли в проскрипционный список – что было равносильно смертному приговору. Имение Корнелии конфисковали, а сам Цезарь вынужден был спасаться бегством.

Долгое время он скитался в Азии, затем побывал на острове Родос, где учился искусству красноречия. Лишь после смерти Суллы Цезарь вернулся в Рим.

Больше такой преданности и самопожертвования в отношении последующих жен и любовниц Цезарь не обнаруживал. Нельзя сказать, что он просто пользовался женщинами. Нет, он любил их всех, но когда перед ним стоял выбор: женщина или очередное дело, которое могло принести ему славу, триумф, популярность, или просто стать ступенькой на пути к большей власти – в Цезаре побеждало честолюбие.

Собственно, после смерти Суллы уже никто не смел советовать Цезарю в выборе жен и любовниц, если не считать нескольких конфликтов с обманутыми мужьями.

– Цезарь, ты всегда умел сказать женщине нужные слова, за это они тебя и любят, – произнесла Сервилия после некоторой паузы. – Только со мной... насчет красоты и всего прочего... пусть тебя не покидает чувство меры. Не люблю лживой лести. Ведь под твоим началом воюет мой сын Марк, и у меня взрослая дочь.

– Причем здесь дети – они ничуть не умоляют твоих достоинств, Сервилия. Для меня ты навсегда останешься самым дорогим человеком.

¹ Матрона – в Древнем Риме свободнорожденная, состоящая в браке женщина. В широком смысле матрона – мать семейства, почтенная женщина.

– Ты прекрасно понял, Гай Юлий: когда я вспомнила о детях, то имела в виду свой возраст.

– Давай не будем вспоминать о возрасте – я древний старик в сравнении с тобой.

– Кстати, Гай Юлий, – хитро улыбнулась Сервилия, – я хочу познакомить тебя с моей дочерью Юнией.

– Зачем тебе это нужно, моя красавица?

– Я знаю, что Юлий Цезарь падок не только на чужих жен. Не чужды ему и юные создания. Возможно вдвоем с дочерью мы сможем удержать тебя в Равенне.

– Сервилия, порой ты проявляешь обо мне такую заботу, что я неловко себя чувствую, – невозмутимый Цезарь на этот раз произнес сущую правду.

– Что не сделаешь для любимого человека.

– Я помню Юнию прелестным ребенком, – в голосе Цезаря зазвучал плохо скрываемый интерес. – Насколько я понимаю, ребенок уже вырос?

– Она достаточно большая, чтобы великий развратник смог оценить ее женские прелести.

– Сервилия, ты делаешь из меня чудовище, – мужчина шутливо возмутился. – Однако буду соответствовать созданному тобой образу. Ты готова пожертвовать честью дочери?

– Я на все готова, лишь бы ты подольше оставался рядом. А честь – ее когда-нибудь женщине придется отдать. Так лучше, пусть будет блистательный Цезарь, чем римская посредственность, кичащаяся древним происхождением.

– Умеешь и ты сказать приятное, дорогая Сервилия, – отблагодарил комплиментом за комплимент Цезарь.

– Итак, Гай Юлий, в котором часу ты отправляешься воевать со своими дикарями?

– В восемь часов утра. Спешить не буду, так как не знаю, когда еще доведется поспать в роскошной постели и с такой восхитительной женщиной, как ты, Сервилия.

Цезарь потянулся к влажноватым чувственным губам собеседницы. Та игриво отстранила Гая Юлия и закончила разговор.

– Итак, решено. В половине восьмого я представлю тебе дочь Юнию. Возможно после этого ты не будешь спешить в Косматую Галлию² и задержишься на день-другой.

Дочь Сервилии оказалась очень похожей на мать, то есть, такая же красивая, но в силу разницы в возрасте в чертах Юнии присутствовали воздушность, хрупкость – присущие комнатному экзотическому цветку. Ростом она была гораздо выше матери, и даже Цезарь смотрел ей в глаза снизу вверх. И еще один контраст – более существенный – заметил Цезарь: девушка густо покраснела, когда ее представляла мать.

Сервилия же, отчасти, и нравилась Цезарю за неумность фантазии в любви, которая часто переходила в откровенное бесстыдство, вульгарность и распушенность. Само собой разумеется, пороки благочестивой родовитой патрицианки проявлялись только в общении с Цезарем наедине. И Гай Юлий был в восторге от безумных выходок Сервилии до сих пор, но теперь покоритель Галлии, не отрываясь, смотрел на Юнию.

– Ну, так как, Цезарь, остаешься с нами?

– Нет, Сервилия, я должен ехать, но постараюсь вернуться как можно скорее.

– Ты не застанешь нас в проклятой Равенне.

² Косматая Галлия – часть Трансальпийской Галлии (называлась так из-за обычая галлов носить длинные волосы). Включала в себя большую часть территории современной Франции, территорию Люксембурга, Бельгии, Зарейнской Германии, Южных Нидерландов и Западной Швейцарии. Завоевана Гаем Юлием Цезарем в 58–51 гг. до н. э. Другая часть Трансальпийской (Заальпийской) Галлии – Нарбонская Галлия – располагалась на территории современного Прованса. Римской провинцией она стала в 120 г. до н. э., ее величали «Галлией в штанах». И, наконец, Цизальпийская (Предальпийская) Галлия занимала территорию современной Северной Италии, римской провинцией стала в 190 г. до н. э. Ко времени проконсульства Цезаря Цизальпийская Галлия была полностью романизирована и потому именовалась «Галлией в тоге».

– Я найду вас, мои обольстительницы, в Риме или другом городе, где вы решите остановиться. Я пойду за вами на край света. Как только вы услышите, что мятежные галлы разгромлены, знайте – я на пути к вам.

– Последняя просьба, Цезарь: присмотри за моим сыном Марком. Я знаю его смелость и желание всегда быть первым и поэтому прошу тебя, как мать – не поручай Марку опасные дела. Вместе со мной просит поберечь брата и Юния.

Едва прозвучало ее имя, девушка вновь покраснела и бросила несмелый взгляд на Цезаря.

– Сервилия, твой сын настоящий воин! Он не теряет голову в опасности, и ему чуждо глупое бахвальство, присущее его ровесникам. – Цезарь обратил взор на юное создание. – Не беспокойся, Юния, я буду заботиться о твоём брате, как о собственном сыне.

2. Затерянные в снегах

Шестой год Цезарь вел жестокую войну в Трансальпинской Галлии. Он начал ее по собственному желанию, не считаясь ни с мнением сената, ни с интересами Рима, ни с законами. Он вторгся в неведомые земли со слепой верой в то, что он, Гай Юлий Цезарь, рожден для великих дел, потому что верил в свою счастливую звезду, в собственную исключительность. И коль не нашлось для Цезаря дела в Италии, которое могло соответствовать масштабам его ума, энергии, планов, то он не придумал ничего лучшего, как завоевать Галлию.

Покорение огромной страны, населенной десятками воинственных народов, стоило нечеловеческих усилий честолюбивому проконсулу. Вместе с войском он спал под открытым небом; с легионерами продирался сквозь девственные леса; переходил вброд реки, несшие талые воды; преодолевал непроходимые болота. Он сражался в первых рядах легионеров со свирепыми германцами и презирающими смерть галлами. И, наконец, Цезарь добился своего – Трансальпинская Галлия была объявлена римской провинцией.

В честь победы Цезаря налаживались многочисленные празднества, вся Италия радовалась успехам римского оружия столь же бурно, как недавно порицала проконсула, самовольно ввязавшегося в тяжелую войну. Из-за Альп потекли в Рим вереницы рабов, золото разграбленных языческих святилищ и налоги, которые Цезарь собирал с новых подданных.

Наступившая зима 53 г. до н. э. не предвещала никаких потрясений в Трансальпинской Галлии. Лишь в области галльского народа карнутов был раскрыт заговор. Цезарь не стал тратить много времени на его расследование: некоторые участники заговора бежали, прочих продали в рабство, а вождя карнутов Аккона проконсул приговорил к смерти.

После этого Цезарь разместил свои легионы следующим образом: два легиона оставил зимовать в землях треверов, два – в области лингонов, шесть оставшихся – в области сенонов. В конце 53 г. до н. э. проконсул покинул Трансальпинскую Галлию и перебрался в Равенну, чтобы быть ближе к Риму, который внушал не меньше опасений, чем вновь присоединенная к нему провинция. В Риме в это время шла борьба за власть, и Цезарь хотел быть активным ее участником.

Недолго Юлий Цезарь наслаждался теплом и уютом дома Сервилиев в Равенне. Уже в начале 52 г. до н. э. гонцы принесли известие, что в Галлии зреет очередное восстание. Пока Цезарь думал: что предпринять для его предотвращения, пришли вести о новом мятеже карнутов. Проконсул, казнив их вождя Аккона, рассчитывал запугать галлов, но получил совершенно обратный результат. Его смерть под топором ликтора сплотила даже враждовавшие между собой народы; сплотила единой ненавистью к римлянам.

Карнеты внезапно захватили город Кенаб (совр. Орлеан) и перебили находившихся там римлян.

Первый успех восставших привел в движение всю огромную территорию между Рейном и Пиренеями. Вслед за карнутами поднялся самый могущественный народ Галлии – арверны. Когда-то правитель этой земли Кельтилла пытался объединить под своим началом всю Галлию, но был убит соотечественниками. Власть над арвернами перешла к его сыну Верцингеторигу. Гордый наследник Кельтиллы и стал вождем восстания.

На первых порах арверны хранили верность Риму; по крайней мере, знать не поддержала Верцингеторига в стремлении обрести свободу. Они изгнали вождя из столицы арвернов – Герговии, но не смогли заставить Верцингеторига отказаться от своих планов.

Молодой правитель был одной из тех ярких личностей, которые дарит судьба народам с тем, чтобы и народ и вождь совершили что-то значительное, достойное того, чтобы попасть в историю, чтобы память о них осталась на века и тысячелетия. Энергичный, храбрый, обладающий незаурядным умом и имеющий большой авторитет у соплеменников, Верцингето-

риг обратился со своими идеями к народу. Арвернский вождь объезжал одно галльское селение за другим, и везде его войско пополнялось новыми сторонниками. Вскоре Верцингеториг окреп настолько, что без труда изгнал на чужбину проримски настроенных старейшин, которые недавно поступили с ним точно также.

Получив реальную власть в собственной стране, Верцингеториг рассылает посольства ко всем народам Галлии. К мятежным арвернам и карнута присоединились сеноны, париси, пиктоны, кадурки, туроны, аулерки, лемовики, анды и другие народы. И все племена признали Верцингеторига верховным военачальником. В течение месяца он стал во главе огромного разнородного войска, а войско, как известно, собирается для войны.

В первую очередь Верцингеториг обратил свою силу против народов, сохранивших верность Риму. С частью армии он вторгся во владения битуров, другая часть под начальством Луктерия принялась огнем и мечом склонять к союзу рутенов...

Верцингеториг выбрал удачный момент для восстания. Во-первых, началось оно зимой, а в эту пору римляне избегали воевать. Уроженцы теплой Италии, они предпочитали сидеть в своих лагерях, в домах, устроенных из толстых бревен, и даже продуктов старались заготавливать с таким расчетом, чтобы хватило до весны.

Во-вторых, Цезаря не было в Галлии, а именно его боялись галлы больше римских легионов вместе взятых. Многие даже считали его не человеком, а посланником богов, который явился к галлам, чтобы покарать их за грехи или какие-то провинности. Невероятные победы проконсула все больше укрепляли галлов в этой мысли. Верцингеториг на сей счет был другого мнения, но и ему хорошо были известны храбрость и бесстрашие Цезаря, граничившие с безрассудством.

Итак, в данный момент гроза галлов находился в Равенне, а его легионы на севере Трансальпийской Галлии. Чтобы добраться до собственных войск, Цезарю надлежало пройти через охваченный мятежом край. А без Цезаря галлы не испытывали особого страха перед затерянными в снегах легионами, к тому же, разделенными по разным землям. Восставшие надеялись до весны расправиться со всеми лагерями римлян.

Цезарю известия из Трансальпийской Галлии грозили катастрофой и с другой стороны. Его положение на римском политическом Олимпе и без того в последнее время пошатнулось. До сих пор он, как мог, старался поднять свой престиж за счет покоренной Косматой Галлии, которую римляне давно считали умиротворенной провинцией. Даже Сервилия не поверила словам Цезаря о возникшем там большом мятеже.

Ситуацию нужно было срочно исправлять, и наместник Галлии без долгих раздумий покинул в Равенне мать и сестру своего легата Марка Брута и прибыл в старую римскую провинцию – Нарбонскую Галлию.

Между тем положение еще больше усложнилось: бесстрашный Луктерий склонил к мятежу рутенов и теперь стоял у самых границ римской провинции. Еще немного, и Рим лишился бы не только Косматой Галлии, но и сам бы оказался под угрозой галльского нашествия. А Цезарь надеялся собрать войско в Нарбонской Галлии и с ним пробиваться к легионам на севере. Вместо этого пришлось мобилизовать всех способных носить оружие и направить их к границе с рутенами.

Мероприятия Цезаря остановили Луктерия, однако проконсул позволил себе взять в Нарбонской Галлии лишь немногочисленную конницу. Но и с ней Цезарь стал для галлов грозной силой.

Малочисленность войска Цезарь компенсировал скоростью передвижения. Молниеносным маршем он прошел земли гельвиев и вторгся в самое сердце мятежа – Арверн. Своим появлением проконсул привел арвернов в неопишутый ужас: у них, как назло, не оказалось

больших военных сил у себя дома – Луктерий в это время рвался к Нарбону, а Верцингеториг находился в землях битуригов.

Цезарь с поразительной легкостью разгромил деморализованное галльское ополчение. Одно лишь имя Цезаря нагнало на арвернов такого страха, что они разбежались по своим селениям, едва появлялся даже не сам проконсул, а только многократно преувеличенные слухи о нем.

Избиение беззащитных арвернов продолжалось два дня. Затем Гай Юлий принял новое решение.

– Децим, – обратился Цезарь к своему легату, – ты с конницей остаешься в землях арвернов. Жги и уничтожай все подряд, не испытывай ни малейшей жалости к оказывающим сопротивление, ни даже к просящим пощады. Старайся разорить как можно большую территорию, но избегай укрепленных мест и не задерживайся надолго в одном селении.

– Ты ставишь передо мной трудную задачу, Цезарь, – произнес Децим Брут, который приходился родственником Марку Бруту, сыну Сервилии. – Мне привычнее сражаться с воинами, а не жечь избы и убивать безоружных...

– Повторяю, Децим, ты должен все сметать на своем пути. Ты будешь предавать огню жалкие хижины галлов, и убивать их до тех пор, пока арвернский волк не вернется в свое логово. Ты должен заманить Верцингеторига в свои земли, иначе он зажжет пожар по всей Галлии. И сгорим не только мы, но, возможно, и Рим. А посему, Децим, делай то, что приказано. Всю ответственность за твои действия перед законом и богами я беру на себя, и пусть ничто тебя не смущает.

– Понимаю, Гай Юлий, и сделаю все, как ты велел.

– Надеюсь, ты действительно меня понял, Децим. Но как только Верцингеториг появится в Арверне, уходи прочь, у него должна быть хорошая конница, и с ней бороться ты не сможешь.

– А как же ты, Цезарь? Как я понял, ты покидаешь...

– Да, и немедленно. Я поскачу к своим легионам, зимующим в землях лингонов, и постараюсь приготовиться к встрече с Верцингеторигом. Ты тоже отправляйся туда, как только возникнет опасность.

– Это же безумство, Гай Юлий! Тебе придется пройти почти всю Галлию, а мы даже не знаем: какие народы присоединились к мятежникам.

– Не беспокойся, Децим. Фортуна³ до сих пор не изменяла Цезарю, надеюсь, и на этот раз она меня не покинет.

Да! Цезарь решился на шаг, едва ли не самый безумный в своей полной опасностей жизни. Цезарь рисковал, но, собственно, терять было нечего, ибо, если рухнет созданная им новая римская провинция, то погребет и его под своими обломками.

Проконсул избрал путь через владения эдуев – прежде самых верных союзников римлян. Он не испытывал особых иллюзий насчет слепой покорности эдуев. Цезарь понимал, что и этот народ предан до тех пор, пока чувствует силу; и здесь немало недовольных римским владычеством, которые ждут лишь удобного случая.

Цезарь не стал выяснять нынешнее настроение эдуев. Проконсул мчался так быстро, что едва поспевали сопровождавшие его два десятка всадников. Он летел на север, словно ветер, и даже если бы пытались галлы настичь маленький отряд – едва ли смогли бы на своих небольших лошаденках. Главное, добраться до преданных легионов, а там уж Цезарь разберется: кто есть кто и кто был с кем.

На землю опустилась ночь, но благодаря снежному покрову и звездам, видимость была отличная. И Цезарь продолжал путь.

³ Фортуна – в римской мифологии богиня счастья, случая и удачи.

Не у всех были силы и мужество железного проконсула. Первыми начали сдавать лошади – они все чаще спотыкались в глубоком снегу. Позади Цезаря надрывно кашлял так некстати заболевший Гай Оппий. Он уже не сидел в седле, а качался из стороны в сторону. Склоненная вниз голова билась подбородком о грудь в такт бегу лошади.

– Потерпи немного, Оппий, – пытался поддержать боевого товарища Цезарь, – найдем удобное место и сделаем остановку.

– Не обращай на меня внимания, Гай Юлий, – охрипшим виноватым голосом попросил Оппий и вновь зашелся в глухом кашле.

Цезарь понял, что Гай Оппий дальше двигаться не сможет, и оглянулся по сторонам, пытаясь отыскать защищенное место для ночлега. Как назло, кругом было открытое поле, продуваемое всеми ветрами. Лишь кое-где на кочках возвышались кустики и небольшие деревца. Воздух стал настолько влажным, что толстым слоем инея покрылись и лошади и люди. Лица legionеров приобрели темный, землистый цвет, а впереди их ждала полоса густого тумана.

Внезапно ехавший первым дозорный с треском исчез под землей вместе с конем. Грязная вода выплеснулась из полыни и потекла навстречу Цезарю.

– Проклятье! – прокрипел зубами он. – Как же я не заметил, что лес кончился и впереди лишь редкие кустики? Вот к чему приводит спешка!

Легионеры бросились к полынье.

– Назад! – властно приказал Цезарь.

– Там же Мамерк! Нужно помочь ему выбраться, он должен выплыть. – Легионеры не хотели верить, что так нелепо потеряли товарища.

– Остановитесь, глупцы – вы ничем не поможете Мамерку. Его поглотило болото, а оно своих жертв не отпускает, – пояснил Цезарь и вновь приказал: – Всем спешиться и повернуть назад. Не держитесь вместе – отойдите шагов на десять друг от друга и медленно двигайтесь в сторону леса.

Таким образом римляне покинули припорошенное снегом болото и принялись обходить его по опушке леса. Оппию стало совсем худо: с двух сторон его поддерживали легионеры. Настроение остальных спутников Цезаря также упало, и, когда на пути возникла хижина, ее приняли за мираж.

Неказистое строение было пустым, да и вряд ли вообще в нем жили люди. Вероятно, его наспех соорудил какой-нибудь рыбак или охотник, чтобы было где переждать непогоду во время промысла. Хижина оказалась настолько малой, что могла вместить лишь одного человека. Но перед ней находился просторный навес для лошади. Здесь же стояла приличная копна сена, которую тотчас же обступили изголодавшиеся кони legionеров.

– Проводите Гая Опия в дом и дайте ему вина, чтобы согрелся, – распорядился Цезарь.

– Выпей и ты, Гай Юлий – теплее будет, – предложил легионер.

– Благодарю, Ацилий, но я попробую не замерзнуть без вина. Напиток сей плохо действует на разум, а мне необходима чистая голова, особенно сейчас, когда все рушится.

– Цезарь! Мне уже лучше, и нет нужды укладывать меня в доме, – вдруг запротестовал Оппий. – Тебя ждут великие дела, и для них нужно хорошо отдохнуть. На морозе ты не сможешь восстановить силы, а моя жизнь или смерть ничего не изменит. Я прошу, Гай Юлий, займи ложе в хижине.

– Почетное нужно предоставлять сильнейшим, а необходимое – слабейшим, – произнес Цезарь и вместе с legionерами улегся спать под навесом.

3. Цезарь с нами!

На земле лингонов зимовали два римских легиона. Цезарь приблизился к ним около полудня.

– Не спешите же вы открыть ворота своему проконсулу, – проворчал Гай Юлий.

Он снял шлем и привычным жестом поправил волосы на голове. Ворота распахнулись с неимоверной скоростью. Цезарь едва успел прикрыть плешь прядью, специально для этой цели служившей.

– Цезарь с нами! – раздались крики. – Слава Цезарю! Слава императору!

Со всех сторон бежали легионеры, чтобы увидеть своего военачальника. Многие выскакивали из бараков на снег босиком и в одних туниках. В этом, далеко не богатейшего сложения, человеке они увидели свое спасение.

На ходу застегивая плащ, спешил и Тит Лабиен.

Он был лучшим легатом Цезаря, его правой рукой. Шестой год Лабиен воевал в Галлии, покорил множество народов, как самостоятельно, так и под началом Гая Юлия. Ему было в ту пору сорок восемь лет, но также как и Цезарь, Лабиен легко переносил все неудобства походной жизни. Этот человек был рожден для войны. Высокого роста, широкоплечий, с мужественными чертами лица, всегда бодрый, подтянутый, уверенный в себе. Ни бессонные ночи, ни восстания галлов и бесконечная война – ничто не могло сломить дух железного легата Цезаря.

Старые боевые товарищи заключили друг друга в объятия.

– Рад встретить тебя, Цезарь, целым и невредимым, – искренне произнес Лабиен.

– И я рад тебя видеть, – ответил Цезарь. – Однако пройдем в палатку – там и побеседуем.

Преторианская палатка оказалась довольно просторной бревенчатой избой с соломенной крышей. Справедливости ради следует заметить, что Лабиен заботился не только о себе – рядом стояли теплые бревенчатые бараки и для легионеров.

Убранство жилища легата отличалось спартанской простотой – только самое необходимое: нехитрая мебель, сколоченная руками легионеров; небольшой запас еды; светильники; приборы для письма; оружие; на стенах несколько карт римских владений и территорий соседних народов. Самая большая карта изображала покоренную Галлию. Во многих местах ее стояли красные флажки, изображавшие языки пламени.

– Рассказывай, – коротко приказал Цезарь.

– Верцингеторигу удалось поднять почти все народы на берегу Океана. По моим сведениям, он пытается склонить к мятежу эдуев. Еще немного, и вся Галлия окажется в огне.

Цезарь подошел к карте Галлии и некоторое время внимательно ее изучал.

– Наши легионы в зимних лагерях не подверглись нападениям? – задал вопрос Цезарь.

– Пока нет, но начинают испытывать недостаток продовольствия. Верцингеторигу удалось собрать сильную конницу, которая ежедневно разоряет примыкающие к лагерям территории. Наша конница гораздо слабее галльской и не может ей противостоять. Более того, множество всадников из числа галльской знати покинуло наши легионы. Часть их переметнулась к Верцингеторигу, прочие разбрелись по своим селениям.

– Все ясно, – подвел итог Цезарь. – Нужно немедленно послать гонцов в зимние лагеря с приказом собраться легионам у города Агединка. Как думаешь, Тит, десять дней достаточно, чтобы соединить легионы?

– Вполне. Гонцы покинут лагерь через четверть часа, – Лабиен направился к двери.

– Подожди, Тит. Пошли также людей к германцам. Пообещай хорошо заплатить. В общем, уговори их привести конницу к Агединку как можно скорее – без наемных всадников нам не обойтись.

– С этим проблем не будет. Германцы не упустят возможности пограбить галлов, тем более, приглашает их сам Цезарь.

– Кажется, все, – произнес Цезарь в задумчивости. – Иди, Тит, посылай людей, желательно, самых расторопных. Дорога каждая минута.

Оставшись один, Гай Юлий приблизился к карте Галлии и добавил несколько красных флажков на земли, граничащие с Нарбонской Галлией. Затем поел хлеба с холодным мясом, которые нашел здесь же. Утолив голод, проконсул опустился на ложе и сразу же уснул.

Проспал Цезарь остаток дня и ночь. Давно он не мог позволить такую роскошь. На следующий день повторно выслал гонцов во все зимние лагеря и приказал готовиться двум легионам Лабиена к выступлению.

В назначенный срок благополучно соединились все легионы Цезаря. Даже Децим Брут привел конницу из земли арвернов. Цезарь почти не надеялся увидеть в живых этих людей, и поэтому несказанно обрадовался Бруту. Хотя с ним прибыло всего три сотни всадников, многие из которых ранены.

Начали прибывать отряды германцев, соблазненные хорошим жалованием и надеждой на добычу. Пока их было немного, но Цезарь больше ждать не мог. Пришли известия, что Верцингеториг вторгся в область галльского народа боев – до сих пор сохранявшего верность Риму. Если римляне не придут на помощь своим немногочисленным союзникам, то лишаться и их.

В Агединке (совр. Санс) Цезарь оставил обоз и два легиона. Командовать ими поручил Марку Бруту – сыну Сервилии.

Несмотря на молодость, Марк отличался рассудительностью и сдержанностью. Он был красив, как мать, но редко пользовался преимуществами своей внешности. В отличие от сверстников, проживавших жизнь в пирушках и разврате, Брута привлекало другое.

Юность его прошла за философскими занятиями, в совершенствовании искусства красноречия, в изучении естественных наук и языков. И, наконец, Брут решил испытать себя на военном поприще – так он оказался в Галлии.

Обладавший незаурядным умом и врожденным благородством, сын Сервилии пользовался неограниченным доверием Цезаря.

– Будь осторожен, Марк, – предупредил Цезарь, – не ввязывайся ни в какие столкновения с галлами, если только те не нападут на Агединку. Помни, два твоих легиона – мой последний резерв. На помощь Рима надеяться не приходится.

– Задача несложная. Я полагаю, с ней может справиться любой, – возразил еще раз Брут. – Я принесу больше пользы, если...

– Нет, Марк, – перебил его Цезарь. – Я буду спокоен и уверен только тогда, когда буду знать, что мой тыл и резерв находится в надежных руках. Только тебе могу поручить это дело, и не считай мое поручение неважным и незначительным. Наша победа во многом зависит от тебя, Марк.

Накануне выступления Цезарь критически осмотрел конницу своих наемников. Ему не понравились низкорослые и слабые лошади германцев.

– Лабиен, – приказал Цезарь, – собери всех испанских и итальянских боевых коней, которые только найдешь в обозе. Возьми лошадей у двух легионов, остающихся в Агединке и всех отдай германцам.

– Это щедрый подарок, – заметил легат, – обратно германцы лошадей не вернут.

– Исполни.

Наступил март – время для войны не очень подходящее. Так думали галлы, но Цезарь их разочаровал. Молниеносным маршем легионы за сутки прошли расстояние от Агединки до Веллаунодуна (совр. Шато-Ландо).

Следующие два дня Цезарь потратил на то, чтобы окружить город сенонов огромным валом. На третий день горожане, убедившись, что надежды на спасение нет, предпочли сдать Веллаунодун без боя.

Цезарь милостиво обошелся с вовремя образумившимся городом. Он приказал собрать все оружие, весь скот и взять заложников.

Через два дня римские легионы уже стояли под Кенабом. Его жители и защитники были в полной растерянности. Только до них дошли слухи, что Цезарь воюет на землях сенонов, а он уже здесь. Естественно, карнuty не успели запастись должным количеством продовольствия и собрать достаточное количество защитников.

Они не могли сдаться на милость Цезаря, ибо понимали, что не имеют право рассчитывать на нее. Ведь именно с Кенаба началась война в Галлии. Это его жители перебили всех римлян в городе и призвали соседей к восстанию. Теперь им оставалось лишь сражаться до конца и постараться как можно дороже продать свои жизни. Или...

Легионеров изрядно утомил двухдневный переход, солнце близилось к закату, и Цезарь отложил осаду до следующего дня. Римляне разбили лагерь вблизи города и отдыхали, лишь двум легионам было поручено сторожить осажденных.

Прямо у городской стены текла река Луара, одни из городских ворот выходили к мосту. Этими обстоятельствами и решили воспользоваться жители Кенаба. Под покровом ночи они тихо распахнули ворота и начали переходить реку.

На этом тишина закончилась. Вышли женщины и дети, ввиду узости моста возникла давка – все старались как можно скорее попасть на противоположный берег. Несколько человек с криками упали в реку.

Два легиона первыми напали на город. Они почти не встретили сопротивления, так как большинство галлов столпилось у ворот, выходящих на мост, и помышляло только о бегстве.

Спасти мало кому удалось. Римляне скоро добрались и до моста. Он сплошь покрылся трупами, кровь ручьями стекала в Луару. Пленных почти не брали – легионеры были очень злы на Кенаб и не могли простить ему мятежа. Разделяя чувства воинов, Цезарь отдал город на разграбление.

Среди немногочисленных пленных в руки римлян попали дочери знатного старейшины. Центурион Ацилий отобрал их у легионеров и привел к Цезарю.

– Гай Юлий, с пленницами поступить как обычно, или оставить в качестве заложниц? Их отец – большой человек у карнутов.

Цезарь внимательно осмотрел пленниц.

Первая девушка – необычайной красоты фурия⁴ – метала глазами грома и молнии. Казалось, еще немного, и она испепелит проконсула взглядом.

– Сколько страсти, сколько злобы! – восхищенно промолвил Цезарь. – Как только все это помещается в красивом теле, рожденном, чтобы радовать мужской глаз, дарить счастье?

Сестра красавицы была не столь привлекательна, но и дурнушкой ее не назовешь. Она, напротив, смотрела на Цезаря с любопытством и даже с некоторым восхищением.

Проконсул указал на нее движением руки:

– Ацилий, доставь эту девушку ко мне в палатку. Я хочу с ней беседовать.

Беседа затянулась на всю оставшуюся ночь, а утром Цезарь приказал дать обеим пленницам лошадей и отпустить.

– Гай Юлий, – обратился к своему командиру Ацилий, – почему ты выбрал именно эту девушку? Ее сестра гораздо красивее.

– Выбирать нужно тех женщин, которым нравимся мы. С той красавицей я не решился бы ночью сомкнуть глаз. Разве ты не видел: сколько ненависти было в ее взгляде?

⁴ Фурии – в римской мифологии богини мести и угрызений совести, наказывающие человека за совершенные грехи.

– Разумно, – согласился центурион.

– Это пришло не сразу, – признался Цезарь. – Еще лет десять назад я бы, не задумываясь, выбрал другую.

По мосту, красному от крови, легионы Цезаря перешли Луару. А позади поднимались языки пламени. Кенаб горел.

4. Аварик

В палатке, ничем не отличавшейся от других, Цезарь диктовал письма трем писцам. Диктовал три разных письма, для трех разных адресатов. Писцы в напряжении скрипели перьями, они едва поспевали заносить на пергамент мысли энергичного, всегда спешащего, человека. Впрочем, спешил Цезарь спокойно, без суеты.

На мгновение проконсул замолчал, дожидаясь, пока кто-нибудь из писцов освободится. В это время в палатку ворвался встревоженный легат и воскликнул:

– Цезарь! На нас напали галлы!

– Подожди, Антоний, мне нужно срочно закончить письма и отослать в Рим.

– Гай Юлий, галлы подожгли осадную башню.

– Антоний, разве ты не знаешь: когда горит – нужно тушить. Или ты хочешь, чтобы я все бросил и таскал воду?

– Этим занимается легион Децима Брута. Однако из города продолжают бросать зажженные факелы. А с противоположной стороны приближаются толпы галлов. Возможно с ними сам Верцингеториг. Они окружают нас, как только врагов соберется достаточное количество, – с тревогой в голосе объяснил ситуацию Антоний.

– Тем более необходимо закончить письма и отослать в Рим, пока нас окончательно не взяли в кольцо. Еще неизвестно, что для меня страшнее: нападение галлов или козни недоброжелателей в Риме, – без тени волнения произнес Цезарь, и задал вопрос Антонию. – Где Лабиен?

– Готовит лагерь к защите.

– Вот и хорошо, отправляйся, Антоний, ему в помощь. Я выйду через пять минут.

Цезарь отдавал переписке много времени и сил, но они не пропадали даром. Находился ли Цезарь в Галлии, Британии или Германии – посредством писем он незримо присутствовал в Риме и оказывал влияние на все стороны жизни Вечного города.

В числе корреспондентов Гая Юлия было множество людей, совершенно разных по положению в обществе. Имелись такие своеобразные профессионалы, чьей единственной обязанностью было хождение по городу и собирание информации о происшествиях, скандалах. Они старательно подслушивали то, что говорилось на городских улицах относительно действий Цезаря и прочих могущественных римлян. В общем, они изучали настроение толпы и докладывали своему патрону.

Среди корреспондентов Цезаря были люди и весьма образованные, но лишенные постоянных доходов. Многие вольноотпущенники-греки искали в столице возможности заработать интеллектуальным трудом. Они переписывали и распространяли «Записки о галльской войне» Цезаря, чем способствовали росту его популярности.

Еще одну группу адресатов Цезаря составляли сенаторы, влиятельные всадники, друзья, через которых Гай Юлий склонял сенат принимать нужные ему решения. Таким образом, ни одно значимое событие не проходило без участия Цезаря.

Цезаря по праву можно считать основателем первой газеты. Еще в год своего первого консульства (59 г. до н. э.) он начал издавать знаменитые «Ежедневные протоколы сената и римского народа». Помимо официальной информации в листке Цезаря излагались и светские новости, интересные события. Рукописная газета вывешивалась в Риме в публичных местах. Впоследствии Цезарь позаботился, чтобы на месте «Ежедневных протоколов» появлялись его годовые отчеты о галльской войне.

Цезаря же, можно признать и изобретателем книги, в том виде, которой мы пользуемся и поныне. Вот что пишет Гай Светоний Транквилл в биографии Гая Юлия Цезаря: «... как

кажется, он первый стал придавать им (донесениям в сенат) вид памятной книжки со страницами, тогда как раньше консулы и военачальники писали их прямо на листах сверху донизу».

(Пусть читатель простит автора за исторические отступления, которые затрудняют чтение, но автору эти мелочи показались настолько интересными, что он решил ими поделиться.)

Наконец Цезарь закончил с письмами и покинул палатку.

Его войско осаждало Аварик – последний город в землях галльского народа битуригов. Остальные города этого народа перестали существовать. И погибли они не от рук римлян.

После потери Веллаунодуна, Кенаба и Новиодуна мятежники изменили тактику. Не имея возможности защитить свои города, галлы принялись их уничтожать.

Битуриги, на земли которых вступили легионы Цезаря, в один день сожгли более двадцати городов. Лишь Аварик (совр. Бурж) – красивейший и богатейший во всей Галлии – избежал горькой участи. На общем собрании восставших галлов битуриги на коленях просили пощадить свою столицу. Они убеждали, что город невозможно взять штурмом, и клялись защищать его до последней капли крови.

Аварик, действительно, был практически неприступен. Со всех сторон его окружали река и непроходимое болото. Лишь в одном месте, и то на достаточно узком пространстве, к нему можно было подойти. Но здесь неприятеля встречала неодолимая стена. Она представляла собой два ряда толстых бревен, промежутки между которыми заполнялись большими камнями. Таким образом, от огня защищала каменная кладка, а от тарана – деревянная.

Верцингеториг лично осмотрел город и уступил слезным просьбам битуригов. Аварик усилили надежными защитниками и пополнили запасы продовольствия.

Цезарь шел по выжженной земле. Когда-то одна из самых цветущих и плодородных областей Галлии стала пустынной и безлюдной. Римские легионы на всем пути преследовал запах пожарищ. Посылаемые за продовольствием отряды в лучшем случае приходили ни с чем, в худшем – гибли в галльских засадах.

Верцингеториг понял, что в открытом столкновении с легионами Цезаря галльской пехоте не на что рассчитывать, и распустил большую ее часть. Вместе с тем, восставшие значительно усилили конницу. Она не давала римлянам ни дня покоя. Не вступая в открытое столкновение с легионами, вражеские всадники развернули настоящую охоту за интендантскими отрядами Цезаря. Этим они настолько разозлили римлян, что, когда на пути встал Аварик, войско Цезаря решило во что бы то ни стало выместить злобу на этом городе. Вот, наконец, противник, который не скроется в чаще леса на резвом коне!

Легионеров Цезаря несколько не испугали неприступные стены и многочисленные защитники. Они угрожающе потрясли мечами в сторону Аварика и отправили их в ножны. Надолго. Бесстрашные легионеры превратились в лесорубов и плотников. Строили огромную плотину, которая должна сравняться высотой с городскими стенами и стать дорогой в город. По обе стороны ее возводились подвижные башни. Строились крытые галереи, позволяющие сравнительно безопасно приближаться к городу.

Вокруг Аварика вырубили весь пригодный лес. Доставлять материал становилось все труднее и труднее. Римляне падали под тяжелыми бревнами, поднимались и снова тащили их с упорством трудолюбивых муравьев.

Погода стояла отвратительная. Снег растаял, но радостнее от этого не стало. Мелкий морозящий дождь сменялся затяжными ливнями. В редкие дни солнце проглядывало из-за туч.

К неприятной погоде добавился голод. Легионеры в течение многих дней не видели хлеба. Пищей служило лишь мясо скота, который ценой больших потерь удавалось добыть в галльских селениях.

Однажды в войске прошел слух, что Цезарь готов снять осаду из-за невероятных трудностей. И тогда к проконсулу явились избранные представители от всех легионов. Это были и седые ветераны, и прославленные центурионы, и молодые легионеры, успевшие заслужить доверие и уважение товарищей. Все они умоляли Цезаря не прекращать осады.

– Никогда под твоим командованием, Цезарь, мы не навлекали на себя бесчестия, – выразил всеобщее мнение центурион Ацилий. – Никогда не уходили, не закончив дела. И теперь сочтем позором оставить начатую осаду: лучше вынести все лишения, чем отказаться от поминков в Аварики в честь римских граждан, погибших от рук вероломных галлов.

– Благодарю вас за мужество, соратники. Мы никуда не уйдем, прежде чем сравняем с землей проклятый город, – пообещал Цезарь.

Гай Юлий в трудные минуты обращался к легионерам не «воины», а «соратники».

И римляне с удвоенным энтузиазмом продолжили строительство осадных сооружений. Цезарь, понимал, как нелегко приходится легионерам, и целыми днями находился среди них. Он помогал укладывать бревна, таскал камни наравне со всеми; старался ободрить тех, чьи силы были на исходе; похвалить тех, кто это заслужил. Он знал почти всех своих воинов по именам. Обращение по имени было лучшей наградой простому легионеру, а похвала Цезаря стоила многого.

На двадцать пятый день непрерывной работы римская плотина почти касалась стены Аварики, были готовы и подвижные башни. Их также подтащили к стене.

Наконец-то и погода начала радовать римлян. Окончились дожди, второй день светило солнце. Бревна, к удовольствию легионеров, просохли – по ним можно было ходить, не боясь поскользнуться.

Но так не бывает, чтобы «хорошо» продолжалось достаточно долго.

В ту ночь, когда Антоний потревожил Цезаря, произошло следующее. Ночью загорелась плотина. Оказалось, галлы сделали подкоп и подожгли ее снизу. Римляне принялись тушить пожар, но вслед за этим распахнулись ворота Аварики, и на спасавших горящую плотину напали галлы. С городских стен на сооружения римлян полетели факелы. Чтобы усилить пламя, осажденные бросали на башню сосуды со смолой.

Верцингеториг покинул болота, где в пятнадцати милях⁵ от Аварики стоял лагерь, и приблизился к городу. Немудрено было взволноваться Антонию в такой ситуации.

Лишь Цезарь хранил невозмутимое спокойствие – он был уверен в своих легионерах; он знал их настроение; он понимал, что ночное нападение не испугает воинов, а только разозлит.

Цезарь не ошибся в своих легионерах. Галлы, вышедшие из ворот Аварики, довольно скоро были смяты, разбиты, частью уничтожены, частью загнаны обратно в город.

Дольше всех досаждали защитники с городских стен – они упорно пытались сжечь римские башни, метая горящий материал. Половина римлян тушила пожар, вторая – боролась с врагами. Легионеры с горящих башен метали дротики. Против врагов на стенах встали все лучники и пращники. Развернули катапульты и скорпионы. Под смертоносным градом погибло множество галльских воинов – остальные покинули стены.

Не решился штурмовать лагерь римлян Верцингеториг, видя полную бесполезность этого мероприятия. Он даже не смог оказать какую-либо помощь защитникам Аварики. К утру вождь галлов увел войско обратно в непроходимые болота.

Весь следующий день римляне занимались ремонтом своих осадных сооружений.

Наступившая ночь также была беспокойной. На этот раз галлы не стали нападать на римлян. Они решили бежать. По веревкам начали спускаться воины, чтобы попытаться краем

⁵ Милиа (римская) – 1, 598 км.

болота обойти римский лагерь и пробраться к Верцингеторигу. Темная ночь способствовала их плану.

Однако, как только галлы начали покидать город, их жены и дети поняли, что остаются на растерзание римским легионерам. После долгой осады и вчерашней вылазки, на милость воинов Цезаря надеяться не приходилось. Женщины просили мужей не оставлять их без защиты. Когда просьбы не помогли, женщины подняли такой крик, что разбудили весь лагерь Цезаря.

Римляне скоро поняли причину переполоха – галлов загнали обратно в Аварик, несколько десятков перебили или захватили в плен.

Цезарь не стал больше медлить. Его легионерам надоели бессонные ночи и длительное стояние под стенами Аварика.

С утра начался сильный ливень, но разве такая мелочь могла остановить легионы Цезаря. Мгновенно были придвинуты к стенам осадные башни, с плотины перекинут мост, и довольно скоро на городских стенах господствовали римляне.

Галлы еще надеялись оказать сопротивление внутри города. Они принялись строиться на площади, но легионеры не вступили с ними в открытый бой. Не было нужды. Они осыпали галлов с высоких стен градом дротиков и стрел. Происходило до неприличия безнаказанное избиение.

Тогда галлы, оставив последние надежды на более-менее честный бой, бросились к воротам. В узком проходе столпились тысячи людей. Все перемешалось: воины и женщины, дети и рабы. Они давили себя в страшной тесноте, шли по трупам упавших и растоптанных собратьев.

Сзади беглецов безжалостно избивали римляне. Пощады не было ни воинам, ни женщинам, ни детям. Озлобленные тяжелой войной, римляне не думали о добыче и пленных. Их целью была лишь месть. Даже вырвавшимся за пределы города галлам не было гарантировано спасение – на огромном пространстве охоту на них открыли безжалостные германские всадники.

В Аварике нашли огромные запасы провианта, и легионеры после стольких лишений смогли поесть вволю.

Так Цезарь победил все: сопротивление многочисленных врагов, неприступные стены, голод и крайне неблагоприятные погодные условия. Его маленькая армия в огромной мятежной стране, словно рыбацкая лодка в безбрежном океане, упрямо плыла к намеченной цели, не взирая на шторм и волны.

5. Герговия

– Цезарь, мы взяли Аварик, а радости на твоём лице я не вижу, – заметил Тит Лабиен.

– На этот город мы потратили целый месяц. А Верцингеториг, как и прежде, бродит с войском по Галлии. Ни один восставший народ не сложил оружия, не изъявил покорности. Чему радоваться, Тит? Ты представляешь, сколько лет придется воевать с мятежниками, если на каждый город уйдет столько времени!

– Верцингеториг распустил большую часть пешего войска. Он даже не надеется вступить в противоборство с нами. Это успех... даже больший, чем взятие Аварика.

– Не утешай меня, Тит, я же не женщина, – грустно улыбнулся Цезарь. – Лучше подумаем: что делать дальше.

– Нам все труднее добывать продовольствие, захваченные в Аварике запасы скоро закончатся. Верцингеториг нашел наше слабое место, и теперь будет уничтожать все у нас на пути. Надо отдать должное, вождь галлов умен и хитер.

– Это я давно понял.

– Полагаю, нужно идти в Арверн. Возможно тогда Верцингеториг примет бой, чтобы защитить родину.

– Разумно, – согласился Цезарь, – но он побоится встретиться со всеми легионами. Придется разделить, чтобы выманить арвернского волка на битву.

– Это довольно опасный, но, похоже, единственный путь, если хотим ускорить окончание войны, – пришел к выводу Лабиен, и, подумав, добавил: – Разделившись, легче прокормить легионеров.

– Сделаем так, – принял решение Цезарь, – я с шестью легионами войду в Арверн и попытаюсь захватить Герговию. Ты же, Тит, с четырьмя легионами пройдишь по землям сенонов, паризиев и прочих... Обещаниями и уговорами, огнем и мечом попытайся отколоть от Верцингеторига галльские народы. В-общем, действуй по своему усмотрению: не жалея ни денег ни крови, но заставь их образумиться. Иначе мы будем воевать бесконечно долго.

– Все понятно, Цезарь. Однако у нас только восемь легионов, – заметил Лабиен. – Если ты забираешь шесть, то мне остаются два...

– Два легиона возьми в Агединке – они там засиделись без дела. Сила немалая, но головы не теряй – при малейшей опасности возвращайся ко мне со всем войском. Помни, наш основной враг Верцингеториг.

Согласно своим замыслам, Цезарь приблизился к реке Элавер, но Верцингеториг опять спутал его планы.

Галлы сломали все мосты и не давали возможности их восстановить. Вторую неделю легионеры Цезаря шли вдоль реки, а по противоположному берегу двигалось войско Верцингеторига. Даже лагерь галлы разбивали напротив римского. Бесцельное топтание грозило затянуться до конца лета, когда в реке падает уровень воды, и открываются броды. Но Цезарь не мог ждать несколько месяцев.

В один из дней римляне разбили лагерь вблизи разрушенного моста. Под покровом ночи Цезарь отвел два легиона в лес и спрятал их.

– Возьмешь четыре легиона и продолжишь путь, – приказал он Антонию. – Старайся растянуть их так, чтобы галлы не заметили исчезновения двух легионов. Миль пять двигайся ускоренным маршем. Затем иди как можно медленнее и жди моих гонцов. Лучше всего, если остановишься и попытаешься для отвода глаз навести переправу. Место должно быть достаточно удобным, чтобы Верцингеториг поверил в искренность твоих намерений.

– А ты, Цезарь?

– Как только галлы уйдут вслед за тобой, я с двумя легионами попытаюсь починить мост и перебраться на противоположный берег.

– Это опасно с двумя неполными легионами. Возьми хотя бы еще один, – предложил Антоний.

– Нельзя, Антоний. Верцингеториг и без того может заметить, что численность нашей колонны уменьшилась.

Как только вдали растворились последние звуки ушедших войск, тайное убежище покинули два легиона. Многие римляне несли заготовленные бревна, которые тут же укладывали на сваи. Благо, галлы раскидали только верхнюю часть моста. В течение часа мост был готов. Цезарь перевел два своих легиона и укрепился в брошенном лагере галлов. К вечеру возвратился Антоний с основной частью войска. Таким образом римляне благополучно переправились через Элавер.

Путь к столице арвернов был открыт: Верцингеториг даже не пытался препятствовать дальнейшему движению римлян.

В одном галльском святилище Цезарь увидел на алтаре меч. Жрецы пояснили, что этот меч принадлежал Цезарю и был захвачен в бою. Святыне приходят поклониться со всей Галлии: считается, тот, кто прикоснется к оружию, становится храбрым и непобедимым, как Цезарь.

– Теперь их святыня будет храниться в нашем обозе, – рассмеялся Антоний. – Довольно оболящать народ глупыми надеждами.

– Нет, – неожиданно возразил Цезарь. – Пусть поклоняются моему мечу, если им нравятся. Пусть трусы ищут смелости в этой бездушной железяке. Я иным путем объясню их глупость и заставлю поклоняться не мечу, но Цезарю.

Герговия была не менее неприступна, чем Аварик. Надо отдать должное, галлы умели выбирать места для своих городов. Столицу арвернов не защищали болото и река, но располагалась она на чрезвычайно высоком и крутом холме. Не было никакой возможности приблизить к городу осадные орудия.

Окрестные холмы занял Верцингеториг. Его войско значительно выросло – хитрый арверн вновь призвал под свои знамена пехоту.

Прямо с марша римляне захватили один из холмов и устроили на нем лагерь. Опытным взглядом Цезарь отметил, что рядом, напротив городских ворот, находится еще одна весьма важная возвышенность. Если бы она оказалась в руках римлян, то последние смогли бы препятствовать доставке в Герговию воды и продовольствия. Галлов на ней было немного, и вели они себя беспечно. Враги полагались на природные укрепления, так как склон холма был очень крутой – почти отвесный.

В первую же ночь римляне взобрались на возвышенность и захватили ее. Произошло это так быстро, что не успела подойти помощь из Герговии и лагеря Верцингеторига.

Цезарь разместил на этом стратегически важном холме два легиона. Затем римляне прорыли ров между двумя лагерями, сделав сообщение между ними вполне безопасным.

Далее проконсул ничего не предпринимал в течение многих дней. Он ждал обещанного эдуями подкрепления и обоз с провиантом. Время шло, и работало оно не на римлян. В их лагере появился новый враг – голод – он стал постоянным спутником Цезаря в этой войне. Войско галлов, напротив, ни в чем не нуждалось, и день ото дня становилось многочисленнее и наглее.

И вот, когда Цезарь лежал в палатке, не зная, что предпринять, к нему привели эдуа Эпоредорига. Этот молодой человек происходил из влиятельного галльского рода, который

возвысился благодаря дружбе с Цезарем. Проконсул поддерживал Эпоредорига силой своей власти и денег в противовес старым ненадежным вождям эдуев. Как оказалось, не зря.

– Беда, Гай Юлий! – взволнованным голосом произнес Эпоредориг. – Литавикк с братьями возмутили десять тысяч наших воинов, которые шли на соединение с тобой. Обманутые эдуи перебили римлян, бывших с ними, и теперь Литавикк ведет их в лагерь Верцингеторига.

– Что ж, я ждал подобного, хотя до последнего часа надеялся на благоразумие союзников.

– Цезарь, я прошу не наказывать наш народ сурово. Он ни в чем не виноват. Литавикк и некоторые старейшины подлым обманом вовлекли нашу молодежь в заговор. Это они повинны в избиении римских граждан.

– Хорошо, мой преданный Эпоредориг. Я не буду сурово наказывать эдуев, – согласился Цезарь. Он был чрезвычайно зол на ненадежных союзников, но в данной ситуации приходилось оставаться милостивым. – Где ты оставил войско соотечественников?

– Примерно в тридцати милях от Герговии.

Ни мгновения не колеблясь Цезарь вывел из лагеря четыре легиона и всю конницу. Ночью, с небывалой быстротой он прошел двадцать пять миль, пока не натолкнулся на колонну эдуев.

Конница тут же окружила союзников, а впереди встала железная стена легионеров. Войственный пыл эдуев мгновенно улетучился: многие стали бросать оружие и молить о пощаде.

– Иди, объяви своим соотечественникам, что Цезарь милосерден и дарит им жизнь, – приказал проконсул Эпоредоригу. – Пусть выдадут зачинщиков мятежа и тех, кто запятнал руки кровью римлян.

Из колонны вытолкнули десятка два воинов разного возраста – им тут же отрубили головы. Но главные виновники – Литавикк и его сторонники – успели бежать в лагерь Верцингеторига.

Цезарь дал три часа отдыха своему войску и опять двинулся к Герговии вместе с десятью тысячами эдуев. Примерно на середине пути гонцы из оставленных лагерей сообщили, что положение стало угрожающим. Пришлось еще ускорить шаг.

Проконсул прибыл как нельзя более вовремя. Враги окружили оба лагеря, непрерывно осыпая их стрелами и всевозможными метательными снарядами. Одновременно в нескольких местах предпринимались попытки штурма. В большом лагере на валу кипел бой; в малом лагере ситуация складывалась еще хуже. Галлы сломали римские заграждения, и сражение шло у преторианской палатки. Промедли Цезарь еще полчаса, и он лишился бы и лагерей, и двух легионов.

Первыми вступили в бой десять тысяч эдуев. Беспощадно они рубили тех, к кому совсем недавно спешили на соединение, кого считали своими союзниками, среди которых находилось много их же соотечественников. У эдуев не было другого выхода: сзади шел плотный строй римских легионеров, весьма недовольных недавним маршем. Словно смерч носилась конница озверевших германцев, которые уже давно не видели настоящей добычи.

Общими усилиями войско Верцингеторига отбросили от лагерей, и Цезарь остановил битву. Он понимал, что четыре легиона утомлены длительным маршем; а два оставшихся – многочасовой битвой. Однако уже на следующую ночь римляне атаковали соседние высоты, находившиеся недалеко от городской стены. И здесь успех сопутствовал им: легионеры захватили три лагеря галлов.

Знал бы Цезарь, чем обернется эта удача!

Как только высоты оказались в руках римлян, проконсул приказал трубить отбой. Он остановил десятый легион и несколько когорт тринадцатого, но воины остальных легионов не слышали или не захотели слышать звук трубы. Увлеченные преследованием врага, они оказались под стенами Герговии.

– Есть такие храбрецы, кто поспорит со мной за право получить стеной венок из рук Цезаря?! – бросил вызов центурион восьмого легиона Луций Фабий, и с помощью трех воинов принялся взбираться на стену.

Примеру Луция Фабия последовали сотни легионеров. Им казалось после недавней победы, что нет ничего невозможного, непреодолимого для римлянина.

Несколько десятков воинов под началом центуриона восьмого легиона Марка Петрония подошли к городским воротам. Держа щиты над головами, они пытались их разбить тяжелым бревном. Ворота затрещали, но в следующий миг на малочисленный отряд напали галлы Верцингеторига. Истекавший кровью Петроний слишком поздно понял свою ошибку.

– Легионеры! – обратился центурион к воинам своего манипула. – Так как я не могу спасти и себя и вас, то, по крайней мере, позабочусь о вашей жизни, которую я своим славолубием подверг опасности. Уходите и думайте только о себе!

С этими словами центурион напал на врагов, двоих убил, остальных оттеснил назад, и этим дал возможность штурмовавшим отступить от ворот. Сам Петроний погиб, окруженный со всех сторон галлами.

На стенах шел ожесточенный рукопашный бой. Римлянам удалось захватить небольшой участок стены, но очень скоро храбрецы оказались в ловушке. Со всех сторон на них обрушились галлы. Решимости врагам придали женщины, которые распустили волосы и вынесли детей, умоляя не отдавать их на поругание римлянам.

И с той, и с другой стороны сражались не щадя себя, не заботясь о собственной жизни. Но римлян было очень мало; без осадных орудий и даже лестниц не было никакой возможности оказать им помощь. Один за другим легионеры летели вниз с крепостной стены. Последним сбросили центуриона Луция Фабия – мечта о крепостном венке стоила ему жизни.

От полного разгрома римлян спасло то, что Цезарь послал для прикрытия отступавших десятый и тринадцатый легионы. Стройные когорты легионеров разметали толпы галлов и позволили отойти своим израненным товарищам в лагерь. И все же потери римлян были немалыми: погибло семьсот легионеров, в том числе сорок шесть центурионов, множество раненых.

Это была первая проигранная битва в жизни Цезаря. Последствия неудачного штурма Герговии были гораздо серьезнее, чем потеря семисот легионеров. Растаял миф о непобедимости Цезаря, который складывался годами. Ближайшей ночью эдуи покинули римский лагерь и перешли на сторону Верцингеторига.

Цезарь понял, что на некоторое время придется оставить саму мысль: покорить столицу мятежной Галлии. Нелегко далось проконсулу это решение. Не привык Юлий Цезарь покидать поле боя без победы, но продолжение осады было равносильно гибели.

6. Вилла Сервили

Вилла досталась Сервили от первого мужа, и в прежние времена приносила хорошую прибыль. Сотни рабов трудились на виноградных, оливковых плантациях. На несколько миль тянулись аллеи фруктового сада, где собирали большие урожаи яблок, абрикосов, персиков, гранат, айвы, инжира. Поля засеивались пшеницей, ячменем и прочими культурами. Дубовая роща давала желуди – прекрасный корм для свиней.

Загоны для скота были полны коз и овец. В специально выкопанных прудах плескались гуси и утки. Круглосуточно работала мельница и хлебная печь, рядом с ними располагалась давальня для винограда. Амбары засыпаны зерном, винные погреба наполнены запечатанными амфорами. Не существовало проблем и со сбытом продуктов. Благо, вилла находилась недалеко от Рима, и ежедневно приезжали торговцы, покупавшие товар мелким и крупным оптом.

Так было при первом муже Сервили, его отце и более далеких предках из семейства Брутов. За всем хозяйством – этим отлаженным механизмом по производству продуктов – следил глава семейства, его управляющий, надсмотрщики за рабами.

После смерти мужа Сервили вилла еще год держалась на плечах старого управляющего, который преданно служил двум поколениям Брутов. Он великолепно разбирался в сельском хозяйстве, и даже хозяева всегда спрашивали у него совета по любому поводу. Будучи в почтенном возрасте управляющий вставал первым в доме, с тем, чтобы найти занятие для каждого раба в имении; ложился последним, лишь убедившись, что все намеченное на день сделано, инвентарь аккуратно сложен, помещения заперты, скотина и рабы накормлены.

Управляющий был справедлив с рабами: прилежных и трудолюбивых он поощрял, приглашал к своему столу; ленивых и выполняющих свои обязанности кое-как – наказывал розгами, заковывал в цепи и отправлял в домашнюю тюрьму – эргастул. Если и эта мера не помогала исправлению нерадивого раба, его продавали на рынке, либо отдавали в гладиаторскую школу. Больные рабы получали необходимую помощь и отдых, но горе было уличенному в симуляции. Даже для старых немощных рабов управляющий находил дело по силам: они плели ивовые корзины, шили и чинили одежду.

Старый управляющий пережил хозяина лишь на год. Новый же, больше заботился о своем кармане, чем о господском. Мысли Сервили витали далеко от сельского хозяйства, и он умело пользовался этим обстоятельством. Рабов стали кормить гораздо хуже, а сэкономленные на их питании продукты продавались управляющим. Вырученные деньги поступали отнюдь не в господскую казну. Новый управляющий мог просто так избить раба, забрать его красавицу жену на ночь.

Вилик до того разозлил рабов, что те в отместку принялись ломать хозяйский инвентарь, калечить животных, а постоянное недоедание вынуждало воровать господские продукты.

Доходы виллы с каждым годом становились все меньше и меньше. Не спасла положение и женитьба Сервили на Дециме Юнии Силане. Второй муж все время проводил в сенате и даже избирался консулом на 62 г. до н. э. Где уж тут до заботы об имении. Между делом Деций Юний подарил Сервили трех дочерей и ушел вслед за первым мужем. Так Сервилия вторично стала вдовой с тремя малютками на руках, сыном от первого брака и громадным количеством проблем.

Вдова подумывала о том, чтобы продать убыточную виллу, но друзья подсказали способ: как избавиться от хлопот и по-прежнему получать с владений доход. По их совету вдова разделила землю на участки в двадцать югеров и раздала в аренду наиболее расторопным рабам или свободным земледельцам.

Желающих получить надел хватало с избытком. Когда вся земля была распределена, несколько рабов обратились с просьбой выделить участки на болоте, которое до сих пор никак

не использовалось в хозяйстве. Они раскорчевали кустарник; чтобы отвести воду, выкопали в некоторых местах пруды для разведения рыбы. Осушенные земли использовались под посевы бобов, чечевицы и репы.

Теперь рабы были заинтересованы в том, чтобы беречь инвентарь и скот, и получать большие урожаи. У них появилась возможность заработать денег и выкупиться на волю.

Доходы Сервилиии увеличились, а забот, наоборот, стало меньше. Хозяйка оставила в своем непосредственном владении лишь каменоломню, а также мастерские по производству кирпича и черепицы. Они были необходимы, чтобы перестраивать виллу по своему вкусу – этому занятию Сервилиия посвящала все свободное время. Для мастерских она выписала из Афин лучших специалистов. И неожиданно трата немалых денег принесла неплохие дивиденды.

Хозяйка первоначально планировала производить кирпич и черепицу только для собственных нужд, но слава о ее мастерских пошла далеко за пределами имения. Желающих строить роскошные виллы находилось немало. Постоянные войны, которые вел Рим, способствовали обогащению и удачливых военачальников; и торговцев, ведавших снабжением войск; и откупщиков, получавших право собирать налоги с завоеванных земель. На великолепный строительный материал, производимый мастерскими Сервилиии, появился небывалый спрос.

Все заработанные деньги Сервилиия вкладывала в виллу, которая постепенно превращалась в роскошный дворец, жить и отдыхать в котором было приятно и комфортно в любое время года.

Прежде всего, к старой вилле Брута Сервилиия добавила пристройку в тридцать комнат. При ее возведении использовались все последние достижения римской цивилизации. Зимой комнаты обогревались горячим паром, который подавался по трубам из подвального помещения. В западном крыле здания соорудили бассейн. Он наполнялся мягкой дождевой водой через проделанное в крыше отверстие.

Полы многих комнат виллы украшали мозаичные картины. В основном изображались сцены охоты на различных зверей. Стены оштукатурены и покрыты фресковой росписью. Здесь можно было видеть все: и грандиозные битвы, и навеянные мифами сцены из жизни богов, и картины идиллической сельской жизни.

В восточной части здания располагалась огромная библиотека. Тысячи свитков пергамента и папируса лежали на специальных полках. Часть застекленных окон библиотеки выходило на восток, часть – на юг. Таким образом, постоянно проникавшие солнечные лучи предохраняли драгоценные свитки от воздействия сырости. А зимой специальный раб следил за системой отопления книгохранилища, с тем, чтобы в нем поддерживалась постоянная температура и влажность. Стены библиотеки украшали портреты мудрецов, многие из которых являлись авторами хранившихся книг.

К зданию примыкала новая баня – грандиозное сооружение, которое венчал купол. Римские термы появились во 2 в. до н. э., и в описываемые времена прочно вошли в быт римлян. Баня Сервилиии состояла из аподитерия – раздевальни, фригидария – бассейна с холодной водой, тепидария – теплой бани, калдария – горячей бани, лаконика – парильни. Помещения украсили мраморными статуями, а полы выложили великолепной мозаикой. Здесь отдавалось предпочтение изображениям обнаженных мужчин и женщин.

Отапливалась терма с помощью заложенных в стены и под полами труб для подачи горячего воздуха. По трубам подавалась горячая и холодная вода.

К парадному подъезду жилища Сервилиии вела изящная колоннада. Между колоннами, опять же, статуи мудрецов и героев.

Огромное пространство перед домом стараниями хозяйки превратилось в райский уголок.

Извилистой змейкой между цветочными клумбами протекал ручей. Его подвели от ближайшей реки. Водопадом, бурля и пенясь, эта маленькая река впадала в мраморный бассейн. Там плавали пестрые декоративные рыбки, доставленные из африканских водоемов. Чтобы дорогостоящие обитатели бассейна не уплыли, поставили мелкую железную решетку в том месте, где ручей покидал бассейн.

Дальше располагалось еще несколько искусственных водоемов. Некоторые были наполнены морской водой, соответственно, в них жили обитатели моря. Кроме эстетического наслаждения, эти бассейны приносили и практическую пользу. Они поставляли к столу Сервилии свежие морские продукты.

Все свободное пространство занимали клумбы с различными цветами. Среди которых преобладали розы – любимицы хозяйки. Дорожки засажены небольшими кустами, которые постригались так, что образовывали фигурки зверей и птиц – садовник Сервилии обладал незаурядным талантом.

В разных местах среди этого великолепия стояли беседки, обвитые виноградной лозой. А подле водопада построили настоящую пещеру, хранившую прохладу в самый жаркий день.

Сервилия была чрезвычайно довольна своим творением. Всякий раз душа ее наполнялась радостью и гордостью, когда она созерцала эту рукотворную прелесть. Женщина подолгу гуляла в розарии, часто приказывала подавать обед в одну из беседок или в пещеру.

Сегодня Сервилия побывала на строительстве конюшни для прогулочных лошадей. Затем некоторое время постояла на мостике через ручей, вдыхая аромат роз. В огромном зале виллы полюбовалась фреской, изображавшей грандиозную морскую битву римлян с карфагенянами у берегов Сицилии. До обеда оставался еще час, и Сервилия решила провести его в библиотеке.

Дверь библиотеки была приличной толщины, чтобы посторонний шум не отвлекал читающего. Но даже из-за массивной преграды Сервилия услышала громкий, заразительный смех. Так естественно веселиться могла только Юния.

«Что ее рассмешило?» – удивилась мать. Не став далее гадать, женщина распахнула дверь.

Картина открылась весьма пикантная: ее дочь сидела на коленях у Гая Куриона. Откинув спину назад и оголив стройные ножки, она смеялась всем телом. Юния даже не услышала, как открылась дверь, и в комнате появился третий человек, в данный момент совершенно нежелательный.

Курион первым заметил, что на это безобразие смотрит не только суровый философ-стоик Архедем с портрета над ними.

– Юния, мы не одни, – кратко обрисовал ситуацию собеседник девушки.

Произнес это Курион довольно тихо и спокойным тоном. И Юния продолжала хохотать, пропустив мимо ушей последнюю фразу мужчины.

– Приветствую достойнейшую Сервилию! – уже громче сказал Курион.

До Юнии, наконец, дошло, что разговаривают уже не с ней. Она подняла раскрасневшееся лицо. В следующее мгновение ее красивые белые зубки скрылись за тонкими губами. Девушка подпрыгнула как ужаленная.

– Вон! Убирайся вон, коль не умеешь вести себя достойно! – утонченная аристократка Сервилия явно не в своей манере обратилась к дочери. Философ-стоик, казалось, посмотрел с портрета на Сервилию одобряюще.

Юния мгновенно выпорхнула в раскрытые двери, а гнев Сервилии обратился на молодого мужчину. Но Гай Курион привык к подобным ситуациям, и не очень-то терялся пред грозными очами матерей соблазненных красавиц.

Курион, по выражению историка, был «самый выдающийся из беспутных гениев этой эпохи». Красив и умен, а красноречием обладал таким, что мог увлечь любое существо, владеющее латынью, будь то толпа плебеев или девушка из благородной семьи. Остроумие, блистательные неподражаемые речи, умение интриговать обеспечили Куриону головокружительный успех на политическом поприще. Восторженные плебеи постоянно избирали его на должность народного трибуна. Казалось, Курион решил повторить судьбу предшествующего кумира толпы – Публия Клодия.

Предшественник Куриона происходил из знатного патрицианского рода Клавдиев, но перешел в плебеи, чтобы получить должность народного трибуна. Клодию удалось провести ряд законов в интересах римской бедноты, отменить плату за раздаваемый государством хлеб, но при этом он нажил много врагов среди знати. Чтобы как-то обезопасить себя, Клодий начал ревностно защищать интересы Гая Юлия Цезаря. Но беспутная жизнь не оставляла возможности быть преданным своему патрону до конца.

Клодию пришла в голову мысль влюбиться в жену Цезаря – Помпею. Для объяснения в любви сумасбродный трибун выбрал самый неподходящий момент. В доме Цезаря справлялись таинства, посвященные Доброй богине. Во время священнодействия ни одному мужчине не позволялось находиться в доме. И вот Клодий, переодевшись в наряд арфистки, проник в жилище патрона, но, к своему несчастью, был узнан, разоблачен и изгнан. Более того, трибуна привлекли к суду за совершенное кощунство, ибо он оскорбил не только дом Цезаря и его обитателей, но и богов, и Рим.

Однако в защиту красноречивого трибуна поднялись тысячи плебеев. Неожиданно Цезарь на суде заявил, что ему ничего неизвестно о преступлении, которое приписывается Клодию. Тогда обвинитель спросил Гая Юлия: «Почему же ты развелся с Помпеей тотчас же после визита Клодия?» «Потому, – ответил Цезарь, – что моя жена должна быть вне подозрений».

Клодий был оправдан, но лишь потому, что большинство судей при голосовании подали таблички с неразборчивой надписью. Сделали они это умышленно, чтобы осуждением не навлечь на себя и на Рим гнев черни, а оправданием – недовольство сената и богов.

После этого случая могущественных врагов у Клодия прибавилось. Возмутителя спокойствия это обстоятельство нисколько не испугало. Он набрал из гладиаторов и рабов отряд телохранителей и во главе его носился по Риму.

Сенат помог организовать такие же отряды противнику Клодия – Милону, также народному трибуну. В результате стычки двух отрядов в 52 г. до н. э. Клодий и погиб.

Вот такой кумир был у Гая Куриона. В довершение сходства Курион женился на вдове Клодия – Фульвии.

Образ жизни он вел такой же скандальный. Курион завел привычку: ни отказывать себе ни в чем. Многочисленные любовницы, изысканная роскошь, различные политические интриги – это требовало много денег. Долги Куриона современники оценивали в шестьдесят миллионов сестерциев. Народному трибуну ничего не оставалось, как идти по пути своего предшественника, то есть продать себя, свое влияние на умы плебеев, свой ораторский талант – да подороже.

Лучшим покупателем подобного рода товара был Цезарь, но тот отверг услуги трибуна. Проконсул Галлии взвесил все положительные и отрицательные стороны подобной сделки с кумиром Куриона – Клодием, – и пришел к выводу: содержание подобного негодяя слишком дорого обходится для его репутации и казны. Вдобавок Курион потребовал оплатить его долги, а это даже для всемогущего Цезаря было накладно.

Возмущенный Курион обратил свои недюжинные способности против властителя Галлии. Постоянными нападками он вынудил Цезаря пересмотреть свое решение относительно покупки весьма хлопотного товара...

– Гай Курион, – сурово произнесла Сервилия, – у меня к тебе просьба.

– Внимательно слушаю. И готов исполнить любое желание самой прекраснейшей из женщин.

– Просьба весьма проста, и выполнить ее не составит труда. Покинь мой дом и впредь старайся обходить его стороной.

– Как будет угодно благородной Сервилии, – Куриону ничего не оставалось делать, как согласиться. – Но прежде я обязан выполнить поручение моего друга Гая Юлия Цезаря.

– С каких пор Цезарь стал твоим другом? – удивилась женщина.

– С недавних, с недавних..., – признался народный трибун, протягивая свиток. – Вот письмо, которое проконсул Галлии просил передать уважаемой Сервилии.

– Благодарю, – женщина взяла письмо. – А теперь, будь любезен, уходи.

– Но Цезарь просил привезти твой ответ, – запротестовал Курион.

– Хорошо, завтра придешь за ответом, – выразив на лице недовольство, предложила Сервилия. – Впрочем, лучше будет, если мой слуга доставит тебе ответ, чтобы не утруждать визитом друга Цезаря. Сообщи, где он сможет тебя найти.

– Такой вариант неприемлем. Я сегодня отправляюсь к проконсулу Галлии. Дорого каждое мгновение.

– В таком случае, я тебя не задерживаю, а ответ Цезарю пошлю со своим человеком.

– Это будет очень сложно, – заметил Курион. – Цезарь находится в самом центре восставшей Галлии. Твой посланник, скорее всего, попадет в руки людей Верцингеторига.

– А Гай Курион не может попасть в руки мятежников?

– Могу, но с меньшей степенью вероятности. Цезарь выделил для меня сильную охрану. Но главное – со мной удача Гая Куриона.

– Хорошо, – Сервилия вновь была вынуждена пойти на уступку, – жди меня здесь, если угодно, но не прикасайся к свиткам – некоторые из них очень ценные.

– Сервилия, и ты не угостишь меня обедом перед дорогой, полной опасностей? – еще больше осмелел народный трибун. – Так ты принимаешь посланника Юлия Цезаря!

– Я распоряжусь, чтобы тебя накормили, – после некоторых колебаний смягчилась Сервилия.

– Говорят, твой повар великолепно готовит морских ежей, – наглости Куриона не было предела.

– Отправляйся в триклиний⁶, – Сервилия пропустила мимо ушей последнее желание трибуна, и тут же сурово добавила. – И не смей приближаться к моей дочери, Гай Курион. Иначе рабы тебя так отделают, что надолго пропадет интерес к молоденьким девочкам, а возможно и навсегда.

– Ты очень добра ко мне, Сервилия. А за Юнию можешь не волноваться – она не в моем вкусе, – успокоил хозяйку виллы бесстрашный трибун.

⁶ Триклиний – столовая комната в доме римлянина.

7. Мать и дочь

Некоторое время Курион в одиночестве наслаждался творениями поваров Сервилии. Именно творениями, ибо кухня Сервилии считалась одной из лучших в Риме.

Народный трибун действительно был голоден, но он не набросился на пищу с жадностью голодного волка. Гай Курион, как человек жизнерадостный, умел получать удовольствие от всего, а истинное наслаждение не терпело спешки.

Вкусная пища являлась одной из многочисленных слабостей Куриона, и его аппетит не могли испортить такие мелочи, как досадный инцидент с Юнией и недовольство Сервилии.

На жареную утку не самых больших размеров Курион потратил столько времени, сколько у другого человека ушло бы на целого поросенка. Он услаждал все органы чувств процессом поглощения несчастной птицы. Народный трибун долго любовался едва ли не каждым кусочком с золотистой кожицей, вдыхал его аромат и, закрывая глаза от удовольствия, отправлял в рот. Периодически сложный процесс уничтожения птицы прерывался глотком фалернского вина.

Когда Курион разобрался с уткой и принялся за устрицы, в триклиний вошла хозяйка виллы.

– Ах, Сервилия! – воскликнул гость, слегка приподнявшись. – Мне бы твоего повара, и ничего другого в этой жизни не желал бы.

– Кто-то говорил, что ему нужно спешить к Цезарю, – заметила Сервилия.

– Похоже, это мог быть я, – предположил Курион. – Но с пустым животом далеко не уедешь. А наспех съеденная пища может явиться причиной частых остановок в пути. Греческие врачи советуют тщательно пережевывать кушаемое.

– Не злоупотребляй моим гостеприимством, Гай Курион. Доедай и уходи, – слова хозяйки прозвучали довольно недружелюбно, но тон голоса стал несколько мягче, чем в библиотеке. Это отметил и Курион.

– Сервилия, ты хочешь сказать, что ответ Цезарю уже готов?

– Да, Гай, тебя ничто не держит в моем доме.

– Твои прелестные черты, о божественнейшая из женщин...

– Лучше скажи: кувшин вина, да устрицы, – прервала разглагольствования повесы неплохо сохранившаяся дважды вдова.

– Сервилия, признайся, что ты пошутила. Я только начал обедать, а ты уже прочла письмо Цезаря и написала ответ.

– Отчего же, – Сервилия протянула свиток, перевязанный розовой ленточкой. – Цезарь всегда немногословен, и я следую его примеру.

– Но ты позволишь мне дойти до десерта? – не на шутку разволновался гурман.

– Позволю, – смиростивилась Сервилия, – и даже составлю тебе кампанию.

Раб тотчас же поставил приборы и блюда для хозяйки.

– С твоего позволения, я приму удобное положение для тела, – произнес Курион и, не дожидаясь разрешения, полулежа устроился за обеденным столом.

Сервилия продолжала сидеть, ибо для женщины, согласно римскому этикету, иная поза считалась неприличной.

– Курион, ты ешь, словно последний раз в жизни, – заметила хозяйка виллы.

– Умоляю, Сервилия, будь осторожна со словами. Мне предстоит опасное путешествие в Галлию, а хотелось бы еще лет сорок наслаждаться кухней, подобной твоей.

– Для этого, Гай, нужно умерить свою похоть и укоротить язык, – посоветовала женщина. – Не только галлов тебе нужно бояться, много и в Риме желающих посмотреть какого цвета кровь у Гая Куриона.

– Недовольные сенаторы меня мало волнуют. Я одолжил денег у тех, кто более всего мог желать моей смерти, – рассмеялся Курион. – Не настолько же глупы мои кредиторы, чтобы бить по собственному карману.

– А твоя жена Фульвия? Говорят, женщина очень скверного характера. Ей могут надоест твои многочисленные измены, – высказала предположение Сервилия, более для того, чтобы вывести собеседника из равновесия. – Ты не боишься, Курион, проснуться в один прекрасный момент с укороченным мужским достоинством?

– Змея змею не ужалит, – невозмутимо ответил народный трибун и отправил в рот очередную устрицу.

Лицо его выражало некоторое недовольство, но не по поводу непочтительных высказываний о жене. Недоволен был Курион, что его вынуждали отрываться от еды, чтобы поддерживать разговор.

Сервилия не решилась больше беспокоить народного трибуна до тех пор, пока тот не разделается с устрицами. Единственное, она положила себе несколько моллюсков, чтобы ускорить окончание трапезы.

Наконец и это блюдо оказалось опустошенным. Курион подозвал раба – кудрявого, белокурого мальчика – и вытер руки о его волосы.

Воспользовавшись моментом, Сервилия обратилась с вопросами, которые давно вертелись на языке.

– Курион, ты назвался другом Цезаря. Скажи, каково его положение? Что происходит в Галлии? Небольшой бунт или опасная война?

– Все – хуже некуда. Галльские завоевания Цезаря висят на волоске. А в Риме большинство сенаторов мечтает избавиться от строптивого проконсула навсегда. И не только мечтает. Другой, на его месте, давно бы беседовал с праотцами.

– Что же ты служишь Цезарю, если все так плохо? – подозрительно посмотрела на Куриона Сервилия.

– Во-первых, Гай Курион никому не служит. Он свободный человек, и может лишь оказывать услуги из дружеских побуждений. Во-вторых, я прошу некоторое время хранить в тайне мои отношения с Цезарем. Это необходимо больше Цезарю, чем мне.

– Почему же ты оказываешь услуги Цезарю? – сформулировала по-иному свой вопрос Сервилия.

– Потому, что верю в Цезаря. Это не человек, а какое-то сверхъестественное существо. Он победит всех врагов, он не может не победить. Никто не в силах стоять на пути Цезаря.

Пожалуй, впервые за время беседы слова Куриона прозвучали искренне.

– Наверное, и денежные дела надеешься поправить за счет Цезаря? – предположила Сервилия. – Не верю я в бескорыстие Куриона.

Народный трибун пропустил мимо ушей последнее высказывание собеседницы, и в свою очередь спросил:

– А тебя, Сервилия, с какой стороны беспокоит судьба Цезаря?

– В Галлии мой сын.

– Какой нежный вкус у твоих гранат! – не сдержал восторг Курион. – Какой-то особый сорт?

– Они созрели в окрестностях Утики, – рассмеялась Сервилия.

– Везти плоды из Африки! – изумился Курион. – Сервилия, ты решила превзойти роскошью Лукулла?

– Да что африканские гранаты? – махнула рукой женщина. – Я представляю, в какую сумму обошелся Гай Курион Цезарю.

– Сервилия, я же не спрашиваю, на какие деньги ты построила виллу.

– Она досталась мне от мужа.

– Я помню, какой она была десять лет назад. Если б твой муж увидел виллу в нынешнем виде, то вряд ли узнал бы ее.

– Я вижу, ты, Гай, наслаждался десертом, – теперь у Сервилиии появилось желание изменить тему разговора.

– Хорошо бы сейчас полежать, – утомленно произнес Курион. – Греческие врачи...

– Даже не мечтай, – оборвала его Сервилиия. – Тебе пора отправляться в Галлию.

Насвистывая веселую песенку, молодой повеса миновал розарий и углубился в виноградник. Внезапно нежная женская рука легла на его плечо.

– Гай Курион, ты уходишь, не простившись со мной? Это невежливо.

– Юния! Да будь моя воля – я бы не расставался с тобой никогда! – восторженно воскликнул Курион, и тут же добавил с сожалением. – И надо было тебе выбрать для беседы библиотеку.

– Кто мог знать, что матери понадобится туда войти. Летом она довольно редко интересуется этими противными свитками из кожи дохлых телят.

– Напрасно, Юния, так презрительно относишься к книгам. Благодаря им можно постигнуть многое, многого можно добиться в жизни. Впрочем, тебе это не нужно, – закончил Курион нравоучительную беседу, едва успев ее начать. – Честно признаться, с тобой я предпочел бы встретиться в вашей великолепной бане. Уж мы бы нашли, чем там заняться.

– Фу, какой ты пошлый, Гай, – надула губки дочь Сервилиии, но глаза ее сладострастно пожирали известного римского развратника. Дыхание стало глубже, в такт ему под туникой поднималась и опускалась грудь.

– Мне говорили, что у тебя есть привычка краснеть, – Курион провел ладонью по нежной чуть смугловатой девичьей щеке.

– Я тебя совершенно не стесняюсь, Гай Курион. Ты очень располагаешь к себе, с тобой легко и просто.

Курион начал оглядываться по сторонам. Весьма реальна была перспектива получить вдобавок к изысканному обеду кое-что для души и тела. Но все его мечты рухнули, не успев даже толком созреть. На дороге появился могучего вида раб, и шел он именно к ним.

– Госпожа Юния, тебя немедленно требует мать.

– Хорошо, Корнелий, передай матери, что я иду, – недовольно произнесла Юния.

Девушка принялась ждать, когда раб удалится. Видимо ей хотелось проститься с Курионом без посторонних глаз, но Корнелий и не думал уходить.

– Ну что еще? – начала злиться Юния.

– Сервилиия очень сердита, она приказала не возвращаться без тебя. Прощу, Юния, не медли.

– Юния, с каких пор рабы приказывают у вас в доме? – Курион тоже выразил недовольство по поводу внезапно возникшей помехи.

– Я исполняю приказ Сервилиии, – невозмутимо промолвил ничтожнейший из смертных. В его словах присутствовала такая решимость, что Юния вынуждена была подчиниться.

Юния нашла мать все в той же злосчастной библиотеке. Хозяйка виллы задумчиво рассматривала какой-то документ.

– Мама, к чему такая срочность? Раб едва ли не силой вытащил меня...

– Не из объятий ли Куриона он тебя вырвал? – Сервилиия сурово посмотрела на дочь. Та промолчала.

– Юния, мне нужно с тобой серьезно поговорить.

– Я все поняла, мама, сидеть на коленях у Гая Куриона нехорошо. Ведь ты это хотела сказать?

– И это тоже. Курион – весьма неподходящая личность для любовных опытов. Едва он переступает порог дома очередной любовницы, весь Рим знает о его успехах во всех подробностях.

– Мама, ты ведь не всегда вела благочестивый образ жизни, и мужским вниманием не была обделена. Почему же мне навязываешь роль целомудренной весталки?

– Вовсе нет, дочь, – возразила Сервилия. – Я прекрасно понимаю, что ты не маленькая девочка, и вполне естественно, что испытываешь интерес к противоположному полу. Однако, в силу своей неопытности, ты склонна совершать опрометчивые поступки. Чтобы уберечь тебя от ошибок, я и начала этот разговор. Я не желаю быть тираном, а всего лишь хочу помочь сделать правильный выбор.

– Не понимаю тебя, мама.

– Что же здесь непонятного: уж коль любишь мужчин, то люби тех, которые могут быть полезны тебе и твоей семье.

Философ Архедем, при всей его мудрости, глядел с портрета на Сервилию недоумевающее.

– И у тебя есть на примете достойная кандидатура в мои любовники или мужа? – сообщила Юния гораздо скорее, чем бессловесный философ-стоик.

– Я хочу прочесть тебе последнее письмо Цезаря.

Мать Юнии развернула бывший у нее в руках свиток пергамента:

«Дорогая Сервилия!

Война в Галлии приближается к концу. Наши легионы окружили мятежников в Алезии, и на этот раз Верцингеторигу ускользнуть не удастся. Победа у меня в руках, и я посвящаю ее тебе, Сервилия, и твоей дочери Юнии. Где, кстати, этот прелестный цветок? Надеюсь увидеть ее волшебные зеленые глаза в Равенне, где скоро буду.

У тебя чудесная дочь, Сервилия.

Гай Юлий Цезарь»

– Этот Цезарь – изрядный наглец, – Юнию нисколько не тронули комплименты в ее адрес. – Он желает, чтобы мы ради него бросили виллу и спешили в Равенну. Сомнительное удовольствие: проделать такой путь, чтобы увидеться с плешивым стариком.

– Цезарь имеет на это право, хотя бы потому, что дом в Равенне для нас купил именно он, – справедливо заметила Сервилия. – Однако, дочь, ты упустила главное в письме. Гай Юлий положил на тебя глаз.

– Мама, он же старый! – возмутилась Юния.

– Глупенькая, Цезарь не имеет возраста. Даже галлы почитают его за божество.

– Мама..., – замялась в нерешительности девушка.

– Что еще?

– Ты с ним спала...

– И дальше спала бы, но чувствую – теряю былую привлекательность. Старею, дочь. Ночью Цезарь со мной ласков, как и прежде, но с первыми лучами солнца спешит покинуть постель, – сделала неутешительные для себя выводы Сервилия. – Цезарь – жеребец, пресыщенный женщинами. Такой может привязаться только к молоденькой девочке. А его очень нужно приковать цепями любви к нашей семье. Я верю: звезда Гая Юлия только восходит. Победы в Галлии – ничто в сравнении с будущими деяниями. И поэтому, благополучие нашей семьи я связываю с этим плешивым, пропахшим лошадиным потом развратником.

– Мама, ты упустила из вида одно существенное обстоятельство: я не питаю к Цезарю никаких чувств.

– Девочка моя, все придет со временем. Гая Юлия невозможно не любить. Ты поймешь это, как только пообщаешься с Цезарем некоторое время. А пока подумай над моими словами серьезно, и выбрось из головы Куриона.

Философ-стоик, казалось, вместе с Юнией осмысливал произнесенные Сервилией слова. Видимо, он прикидывал: насколько сочетаются наставления матери с его философией.

8. Под Алезией

Пожалуй, никогда еще положение Цезаря не было хуже, чем после неудачного штурма Герговии. О продолжении осады не могло быть и речи: войско пребывало в унынии; десять тысяч эдуев, которых Цезарь с большим трудом накануне удержал в повиновении, перешли в лагерь Верцингеторига; вместе с ними ушла надежда получить продовольствие; у галлов, наоборот, надежды обрести свободу стали вполне реальными.

Уходить. Но куда?

Антоний советовал Цезарю выводить легионы в старую римскую провинцию – Нарбонскую Галлию. Кроме обычной для Антония осторожности, в этом предложении имелось рациональное зерно. В Нарбонской Галлии можно запастись провиантом, произвести набор новых легионеров, дать отдых старым.

Но позволит ли сенат ввязаться в новую галльскую авантюру, когда свежи воспоминания о неудачном парфянском походе Красса? И, главное, в Галлии оставался с четырьмя легионами старый боевой товарищ Цезаря – Тит Лабиен. Поэтому проконсул даже не стал рассматривать вариант, предложенный осмотрительным Антонием.

На следующий день после неудачного штурма римляне выстроились на равнине близ Герговии и принялись звать врага на битву. Их призывы остались без ответа: Верцингеториг понимал, что, несмотря на вчерашнюю удачу, в открытом бою ему не одолеть легионы Цезаря.

Выждав некоторое время, легионеры с победными криками вернулись в лагерь.

На следующий день повторилось то же самое.

Цезарь подобной демонстрацией и не надеялся выманить врага на битву, но его легионеры стали чувствовать себя увереннее и мужественнее. Они видели, что враг по-прежнему их боится.

И снова окрестности огласились победными криками римлян, но на этот раз легионы Цезаря не стали возвращаться в лагерь. Они мгновенно перестроились в колонну и ушли в направлении, противоположном тому, что советовал Антоний.

Войско настолько быстро исчезло, что галлы не успели даже опомниться и организовать преследование отступавших римлян.

Цезарь без помех достиг реки Элавер, починил мост и переправил легионы. Так римляне оказались в стране эдуев – многочисленного народа, до недавнего времени сохранявшего верность Риму. Успех Верцингеторига под Герговией остудил верноподданнические чувства и этого галльского племени. Известия, одно неприятнее другого, с поразительным постоянством приходили к Цезарю.

«Гай Юлий, – доносила разведка, – Литавикк с конницей вернулся в земли эдуев и призывает их к мятежу».

«От имени сената и общины эдуев к Верцингеторигу отправлено посольство для заключения дружественного союза», – было следующее сообщение.

Худшее ждало впереди. На берегах реки Лигер (Луара) в городе Новиодун Цезарь оставил всех заложников, запасы хлеба, казну, часть обоза с добычей и снаряжением. Здесь же находилось большое количество лошадей, купленных в Италии и Испании. Все это было весьма кстати, и Цезарь направился к Новиодуну.

Увы! Римлян встретили лишь дымящиеся головешки. Эдуи захватили город, перебили находившихся там римлян и унесли все, что смогли унести. Часть хлеба галлы просто сожгли, ибо он не помещался на корабли. Огонь уничтожил и город, который Цезарь выбрал для своей базы.

– Рассчитаемся! – мрачно промолвил Цезарь и направился к реке с целью перейти ее.

Это оказалось непростым делом – галлы разрушили все ближайшие мосты через Лигер.

Проконсул Галлии не стал тратить время на их восстановление. Римляне выбрали удобное место, и перешли реку вброд. Единственное, чтобы ослабить силу течения и облегчить переправу, Цезарь поставил в воде конницу.

Эдуи не ожидали так скоро видеть Цезаря с войском на противоположном берегу. В результате, в руки римлян попало много скота, хлеба, в том числе из разграбленного Новиодуна. Так Гай Юлий вернул часть своего имущества.

Расстояние между Цезарем и Лабиеном существенно сократилось.

Успехи Лабиена также были довольно скромны. С четырьмя легионами он вторгся в земли паризиев и попытался захватить их главный город Лютецию (совр. Париж). Задача была не из легких. Лютеция располагалась на острове реки Секваны (Сена). Более того, берег реки представлял собой сплошное болото.

Легионеры Лабиена начали заваливать болото фашинником и строить насыпь, но галлы принялись серьезно препятствовать этому мелиоративному мероприятию. Число врагов возрастало с каждым днем, и они все настойчивее убеждали римлян в необходимости сохранить болото в первозданном виде.

Тогда Лабиен оставил затею с осушением прибрежной топи, но не саму мысль взять Лютецию. В одну из ночей он покинул лагерь и направился вверх по реке. Лабиену удалось захватить город Метиоседу, который также лежал на острове Секваны. Но, главное, в руки римлян попало около пятидесяти кораблей. Легат посадил на них воинов и поплыл в направлении Лютеции.

Все же брать будущий Париж легионерам Лабиена не довелось. Оценив ситуацию, галлы сами сожгли город и покинули остров.

Тем временем Цезарь потерпел неудачу под Герговией, и это событие воодушевило противников его легата. Галлы твердо вознамерились отомстить ему за сожженную Лютецию. Неизвестно, чем бы закончилась для Лабиена и его четырех легионов опасная война, не подоспей гонцы Цезаря.

Лабиену довелось приложить весь свой ум, хитрость и смекалку, чтобы покинуть негосприимные окрестности Секваны. Он принял жестокий бой, в котором победа долго оставалась неопределенной. После всех трудностей Лабиен с четырьмя изрядно потрепанными, но непобежденными, легионами вышел к Агединку – единственной сохранившейся базе римлян. А спустя три дня он соединился с Цезарем.

Цезарь с облегчением вздохнул, обняв боевого товарища. Но расслабляться не было времени – впереди стоял значительно окрепший и еще более поднявший свой престиж Верцингеториг. «А пусть подождет», – решил Цезарь и направился к берегам Рейна. Там он усилил легионы наемной германской конницей, и только тогда пошел навстречу Верцингеторигу.

А что же галлы?

У них продолжалась эйфория после победы под Герговией. Эдуи, как мы помним, захватили заложников многих галльских народов, которых Цезарь держал в Новиодуне. Они не отпустили братьев, как следовало бы поступить из благородных побуждений. Теперь угрозой казнить несчастных заложников эдуи заставили присоединиться к мятежу новые и новые народы. Арверны убеждали поддержать войну за независимость золотом, россыпи которого находились в их землях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.